

Лондонское обращение И. Г. Гамана в свете конфессиональной лютеранской теологии

Иоганн Георг Гаман (1730-1788): диаметрально противоположные оценки его личности и творчества

- журналист, литератор, литературный критик в Кенигсберге (тогда – Восточная Пруссия)
- единственный мыслитель 18-го века, осмелившийся сделать Библию (Священное Писание) основой всех своих рассуждений
- «философ лютеранства» (таково, например, название единственной книги о Гамане на французском языке: Hamann: philosophe du luthéranisme – Henry Corbin)
- неудачник по жизни: не закончил университет, не составил академическую карьеру, подвергался насмешкам, не сочетался законным браком, жил в нужде, работал на низкооплачиваемой должности чиновника в налоговом ведомстве, откуда в итоге был преждевременно выведен на пенсию с лишением почти всех доходов и т.п.
- «северный маг», человек, вызывавший восхищение современников и потомков вплоть до середины 19-го века. Оказал влияние (в отдельных случаях – решающее) на Гёте, Гердера, Якоби, Жан-Поля, Гегеля, Киркегора и других.
- по мнению британского интеллектуала 20-го века Исаяи Берлина – иррационалист и предшественник доктрины германского национал-социализма, во многом создавший условия для появления этой человеконенавистнической идеологии

«Лондонское обращение»: что-то случилось с молодым (27 лет) Гаманом в Лондоне во время провальной командировки 1757-58 гг., но что именно?

- Особый опыт духовного прозрения, на который претендовали пуритане в 17-м веке, пиетисты в 18-м, методисты в 19-м, пятидесятники в 20-м.
- Событие, подобное эпизодам британских и американских «великих пробуждений».
- Мошенничество, чтобы «замылить» реальный долг и объяснить отказ отдавать его духовными соображениями (см. «Письмо к Канту» ниже)
- Обретение реального (или переживаемого как реального) Друга, которого Гаман так отчаянно искал
- Изменение способа смотреть на окружающий мир, переоценка своего места в мире

Отдельные цитаты из личного дневника Гамана («Размышления о моей жизни»), в которых описывается его «обращение»:

«В пучине моих страстей, которые меня поглотили, так что я не мог перевести дух, я постоянно молился Богу о друге, о мудром и честном друге, которого я уже не мог представить себе. Вместо этого я вкушал и вкушал помногу желчь ложной дружбы и невозможность какого-либо улучшения. Друг, который

предоставил бы мне ключ к моему сердцу, чтобы вывести меня из лабиринта – таково было частое моё желание, хотя я и не понимал его должным образом, не видел его сути. Благодарение Богу, я обрёл этого друга в моём сердце, который проник туда в то время, когда я острее всего ощущал в нём пустоту и тьму и запустение. К тому времени, если я не ошибаюсь, я прочитал Ветхий Завет раз и Новый Завет два раза...»

«Я забыл все мои остальные книги, мне было стыдно, что я когда-то даже сравнивал их с книгой Божьей...»

«Я обрёл единство божественной воли в искуплении Иисуса Христа, так что вся история, все чудеса, все заповеди и деяния Божьи текли к этому центру, чтобы возбудить душу человека от рабства, уз, слепоты, глупости и смерти грехов к величайшему блаженству, высочайшим благословениям и принятию благ, величие которых, явленное нам, ужаснуло бы нас ещё более, чем наша собственная недостойность или возможность сделать себя их достойными. Я признал свои собственные преступления в истории еврейского народа, я прочитал историю своей жизни и возблагодарил Бога за его долготерпение с этим Его народом, потому что только такой пример мог оправдать для меня подобную надежду. Более всего я обрёл в книгах Закона примечательное разоблачение, что израильтяне, какими бы грубыми они нам ни казались, тем не менее, искали в некоторых случаях от Бога только то, что Он хотел сделать для них; что они признавали своё непослушание таким же живым образом, как это делает любой кающийся грешник, и так же быстро забывали о своём покаянии; но что в своём страхе взывали именно к Искупителю, к Защитнику, Посреднику, без которого они не могли ни бояться, ни любить Бога должным образом».

«С этими мыслями, которые казались мне очень таинственными, вечером 31 марта я прочитал пятую главу Второзакония и впал в глубокое раздумье. Я думал о Авеле, о котором Бог сказал: земля отверзла уста свои принять кровь брата твоего. Я чувствовал, как бьётся моё сердце, я слышал голос его, вздыхающий и жалующийся в глубине, как голос крови, как голос убитого брата, и почувствовал, как переполняется моё сердце. Оно обливалось слезами; я дольше не мог же, не мог скрывать от Бога, что я был тот убийца, братоубийца Его кровного Сына. Дух Божий продолжал действовать, несмотря на мою большую слабость, несмотря на долгое сопротивление, которое я до этого оказывал Его свидетельству, Его прикосновению в Его желании открывать мне больше и больше тайну божественной любви и благодеяния веры нашего Спасителя. Среди стонов, издаваемых перед Богом толкователем, который дорог Ему, я продолжал читать Божественное Слово и чувствовал поддержку Того, Кем оно было написано, как единственный путь понять смысл этого Писания».

«Поскольку я принял от Бога величайшее благо, бесценную жемчужину, награду, для которой Он ввёл меня в жизнь, как мне теперь усомниться в Его руководстве всей моей жизнью? Она достигла конца. Я вверяю себя Его премудрой и единственно благой воле. ... Мои грехи – долги бесконечно более весомые и чреватые последствиями по сравнению с моими земными долгами. Приобретение всего мира не смогло бы оплатить мои грехи... Почему бы Богу

не добавить ещё немного к сделке? 300 фунтов – Его долг, он поступит со мной как Павел поступил с рабом Филимона и урегулирует его по Своей мудрости».

Другие ключевые цитаты Гамана и упоминания о Гамане:

«Если наш друг считает моё нынешнее состояние ума очень неудачным, он не должен допустить, чтобы мой энтузиазм (Schwärmerei) воспринимался как нечто странное, что повлиять на него не может. Он не должен беспокоиться обо мне, если ему окажет услугу моё удовлетворение; я наслаждаюсь этим сейчас и буду сохранять это при каждой перемене моей судьбы, которую вверяю Богу, и в Его груди покоятся все мои заботы... Если он хочет знать, что я делаю сейчас, скажи ему, что я лютерствую (Ich lutherisire); что-то должно быть сделано».

Письмо к Линднеру 5 июня 1759 г.
ZH I, 307,13-18,31

«Нежный любовник никогда не раскается, что потратил много денег на возлюбленную, даже если она порвала с ним. И если всё же, согласно новому естественному праву, речь идёт о деньгах, то передайте ему, что у меня сейчас ничего нет и что я сам вынужден жить от милости отца моего. Но всё, что даст мне Бог, я завещаю ему в частное владение, хотя, по правде, не особенно стремлюсь к тому, чтобы завещание вступило в силу, потому как не хочу потерять благословение четвертой заповеди. Впрочем, если мне суждено умереть, то я без всяких оговорок завещаю ему мой труп, каковой он мог бы заложить, как это делали египтяне, о чём написано у Геродота, этого Хаппеля Древней Греции».

Письмо к Канту 27 июня 1759 года
(В. Х. Гильманов, «Битва за чистый разум», С. 42-43)

«Вкратце, все мои маленькие работы слагают сундук Алкивиада. Каждый негодовал по поводу образа Сатира или Пана и никто не подумал о старой реликвии малого Катехизиса Лютера, которого единственно вкус и сила одолевают смертоносных папу и турка каждого века и будут пребывать и впредь».

Письмо к Мозеру 1773 г.
ZH III, 67, 9-13

«Не знаю никакой другой ортодоксии помимо нашего малого Лютерового Катехизиса».

N III, 173, 7-8

У меня «в рукаве нет ничего кроме евангелического лютеранства».

Письмо к Шенку 1786 г.
N VI, 466, 23f

Гёте в своей биографии рассказывает, как в те времена «тихие поселяне» [т.е., пиетисты – А.С.] во Франкфурте обратили свое внимание на Гамана и завязали

с ним отношения. Эти набожные люди вообразили себе Гамана набожным по их образу и подобию и общались с ним с глубоким уважением, как с «Магом Севера». Но вскоре всеобщее неудовольствие вызвано было его «Облаками», а еще более — титульным листом его «Крестовых походов филолога», где был изображен козлиный профиль рогатого Пана, и сатирическими гравюрами: большущий петух, дирижирующий молодыми курочками, которые стоят перед ним, держа в коготках ноты, — все в крайне смехотворном виде. После этого они выразили ему свое возмущение, а он от них удалился.

Гегель, О работах Гамана (Работы разных лет, Т. 1. М., 1972), с. 605-606.

Гаман считал себя верным сыном Лютера и хотел, чтобы его воспринимали как мужа веры подобно великому реформатору. Будучи верующим человеком, Гаман действительно напоминал Лютера, но в отличие от Лютера, который в первую очередь был церковником, Гаман усматривал главного врага веры не в делах, но в разуме.

James C O'Flaherty. Some Major Emphases of Hamann's Theology.
Harvard Theological Review 51, no. 1 (1958), p. 42

* * *

Резюме или основное утверждение доклада:

Несмотря на выраженные пиетистские черты, лондонское обращение Гамана базируется на других методологических основаниях. В центре здесь – не субъективный опыт переживания, но принципиально христоцентричный (а не антропоцентричный) подход к Писанию, акцент на оправдании человека как грешника ради Христа (а не на освящении), конфессиональный взгляд на различие между Законом и Евангелием. Пиетистские элементы в текстах Гамана объясняются, во-первых, характером его образования и воспитания, во-вторых, нормативным словоупотреблением его эпохи, в-третьих, тем, что лондонские тексты были написаны не для стороннего читателя, а для него самого и близких родственников: отца и брата. Хотя работодатель Гамана Беренс и посчитал его по итогам Лондонского опыта «энтузиастом» (Schwärmer), такая трактовка не подтверждается всей последующей литературной деятельностью Гамана и самой его жизнью.

Общий вывод:

Пример лондонского обращения Гамана свидетельствует в пользу того, что невозможно провести корреляцию между интенсивностью внешнего, практического, чувственного переживания христианской веры человеком и наличием и характером самой этой веры. Отсутствие явного опыта внешнего «обращения» не означает отсутствия духовной жизни. Наличие такого опыта не гарантирует правильного исповедания (но также и не противоречит ему).

Алексей Стрельцов, 30.05.2020, Новосибирск